

Тул Теумат

КАНДИНАВСКІЕ БОГИ

Мастера магического реализма (АСТ)

Нил Гейман

Скандинавские боги

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

Гейман Н.

Скандинавские боги / Н. Гейман — «АСТ», 2017 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-100906-9

Взгляните на северную мифологию глазами самого известного сказочника современности! Создание девяти миров, истории о великих богах, искусных мастерах-карликах и могучих великанах, и, конечно, Рагнарёк, Сумерки богов – гибель всего сущего и, одновременно, – возрождение нового времени и человечества: Мастер словно вдыхает новую жизнь в истории седой старины, заставляя читателей с замиранием сердца следить за персонажами скандинавских мифов – восхищаться их подвигами, ужасаться их коварству, вместе с ними горевать и радоваться. Вы читали «АМЕРИКАНСКИХ БОГОВ»? Тогда вам, безусловно, понравятся и «СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ»!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100906-9

© Гейман Н., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Игроки	9
Один	10
Тор	11
Локи	12
До начала... и после	13
I	13
II	14
III	16
Иггдрасиль и девять миров	17
Голова Мимира и глаз Одина	19
Сокровища богов	20
I	20
II	24
Великий строитель	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нил Гейман
Скандинавские боги
Фантастический роман

Neil Gaiman

Norse Mythology

Copyright © 2017 by Neil Gaiman

Cover illustration Copyright © 2017 by Sam Weber

© А.И. Блейз, А.Г. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭВЕРЕТТУ:

СТАРЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ НОВОГО МАЛЬЧИКА

Предисловие

Найти себе любимую мифологию не проще, чем любимую кухню (сегодня вечером тебе хочется тайской, завтра – суши, а послезавтра – простой домашней еды, на которой ты вырос). Но если уж называть фаворитов, я, пожалуй, выберу скандинавские мифы.

Впервые я познакомился с Асгардом и его обитателями еще совсем мальчишкой, лет семи – когда зачитывался приключениями Могучего Тора в переложении американского художника-комиксиста, Джека Кирби: сюжеты писал он сам в соавторстве со Стэном Ли, а диалоги – брат Стэна, Ларри Либер. Тор у Кирби был силен и хорош собой, Асгард представлял эдаким научно-фантастическим мегаполисом, величественным и опасным, Один блистал мудростью и благородством, а Локи воплощал собой чистое лукавое зло – сардоническое и в рогатом шлеме. Белокурый Тор-молотоносец мне очень понравился, и я захотел узнать о нем побольше.

Позаимствовав у кого-то «Мифы северных народов» Роджера Ланселина Грина, я принялся читать их и перечитывать, преисполняясь восторга и изумления: в этом пересказе Асгард превратился из града будущего в викингский пиршественный зал и горстку домов, затерянных в ледяной пустыне; Всеотец Один утратил мягкость, мудрость и гневливость и оказался гениальным, непостижимым, опасным. Тор... о, Тор остался так же силен (прямо как его могучий тезка из комиксов), а молот его – так же непобедим, но по части ума этот бог... ну, скажем честно, был не самым выдающимся. А Локи неожиданно перестал быть чистым злом, хотя и силой добра назвать его было трудно. Локи оказался... сложным.

Вдобавок я узнал, что в скандинавских мифах есть свой собственный Судный день – Рагнарёк, Сумерки богов, конец всего сущего. Богам предстояло сразиться с инеистыми великанами и погибнуть – всем без исключения.

Так что, Рагнарёк уже был? Или ему только предстоит случиться в будущем? Тогда я ответа не знал... и не уверен, что знаю сейчас.

Когда-нибудь мир непременно закончится, а с ним – и вся история. Сам этот факт и то, *как именно* мир закончится (чтобы потом возродиться снова), превратили для меня богов, инеистых великанов и иже с ними в трагических героев и не менее трагических злодеев. Из-за Рагнарёка скандинавский мир так и остался со мной, стал частью моей жизни и до сих пор ощущается до странности живым и современным, тогда как другие системы верований, даже те, что гораздо лучше сохранились в источниках, кажутся реликтами прошлого.

Мифы Севера – это мифы холодной страны, с длинными-преддлинными зимними ночами и бесконечными летними днями; мифы народа, который не слишком доверял своим богам и даже не особенно любил их – хотя, конечно, уважал и боялся. Судя по всему, боги Асгарда в свое время пришли из Германии и распространились по всей Скандинавии, а оттуда перекочевали в другие страны и земли, оказавшиеся под владычеством викингов: на Оркнейские острова, в Шотландию, Ирландию и на север Англии, где до сих пор встречаются места, названные в честь Тора и Одина. В английском языке некоторые из этих богов запечатлели свои имена в днях недели: Тюр Однорукий, сын Одина; сам Один, Тор и Фригг, королева богов, – вторник (*Tuesday*), среда (*Wednesday*), четверг (*Thursday*) и пятница (*Friday*) соответственно.

В истории о войне и заключении мира между асами и ванами слышны отголоски более древних мифов и религий. Ваны – божества, братья и сестры природы – были, по всей вероятности, не так воинственны, как асы, но ничуть не менее опасны.

Одна очень правдоподобная (или, по крайней мере, рабочая) гипотеза гласит, что некогда жили племена, поклонявшиеся вanam, и племена, поклонявшиеся асам. Потом асопоклонники вторглись на земли ванопоклонников, и двум племенам пришлось как-то договариваться и приспособливаться друг к другу. Боги ванов – например, Фрейр и Фрейя, брат и сестра, – поселились с асами в Асгарде. История, религия и миф сплавляются здесь воедино, а нам оста-

ется лишь дивиться, гадать и фантазировать, словно детективам, восстанавливающим подробности какого-нибудь давно забытого преступления.

Сколько же историй утрачено навсегда! Сколь многого мы не знаем! Фактически, в нашем распоряжении есть лишь горстка мифов, сохранившихся в виде народных сказаний и изложений в стихах и прозе. Записывать эти мифы начали уже после того, как христианство вытеснило древнюю скандинавскую религию, и многие из них были записаны не ради самих историй, а лишь из опасения, что некоторые кеннинги (поэтические метафоры, отсылавшие к определенным мифам) могут со временем утратить смысл, – как, например, выражение «слезы Фрейи», означавшее золото. При этом скандинавских богов иногда изображали людьми – королями и героями древности, чтобы сказки о них можно было рассказывать и в христианском мире. В некоторых поэмах и сказаниях упоминались или подразумевались другие истории – но этих других у нас, увы, больше нет.

Представьте, что из всех мифов о богах и полубогах античности до нас дошли бы только деяния Тесея и Геракла!

Мы очень многое потеряли.

У скандинавов было много богинь. Нам известны их имена, некоторые способности и атрибуты, но мифов и ритуалов история не сохранила. Как бы я хотел поведать вам об Эйр, врачевательнице богов! Или о Ловн, утешительнице, скандинавской богине брака; или о Съёвн, богине любви, – не говоря уже о Вёр, богине мудрости. Я умею придумывать истории, но об этих богинях рассказать не смогу, как бы ни хотел, – они давно потеряны, погребены, забыты.

Я очень старался пересказать эти мифы как можно точнее и как можно интереснее. Они противоречат друг другу в некоторых деталях, но картину мира и времени, надеюсь, все равно рисуют верно. Работая над книгой, я старался перенестись на много столетий назад, в те края, где эти истории когда-то рассказали впервые – во мраке долгой зимней ночи, под всполохами северного сияния или в нескончаемом бессонном дне середины лета, – слушателям, жаждавшим знать, что еще совершил великий Тор, что такое радуга, как правильно прожить эту жизнь и откуда берутся плохие стихи.

Закончив истории и перечитав их все подряд, я поразился, насколько связанное из них получается путешествие: из льда и пламени начала времен ко льду и пламени, что положат конец этому миру. А по дороге встречаются и те персонажи, которых узнаешь с первого взгляда, – Локи, Тор, Один, и другие, почти незнакомые, о которых хочется узнать хоть немного больше (из них я больше всего люблю Ангрбоду – жену Локи из великанского рода, которая произвела от него чудовищное потомство и явилась в призрачном облике после убийства Бальдра).

Я не отважился обратиться снова к рассказчикам скандинавских мифов, чьи работы так высоко ценю, – ни к Роджеру Ланселину Грину, ни к Кевину Кроссли-Холланду. Вместо этого я погрузился в разные переводы «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона и в строфы «Старшей Эдды» – в слова, которые были записаны девятьсот лет тому назад или и того раньше. Выбирая истории, которые мне хотелось рассказать заново, я смешивал разные версии мифов. (Одним из таких гибридов в моем пересказе стала, например, история о поездке Тора к Хюмиру: начало я взял из «Старшей Эдды», а подробности рыбалки – у Снорри.)

Потрепанный экземпляр «Словаря скандинавской мифологии» Рудольфа Зимека в переводе Анджелы Холл был мне в этом деле бесценным компаньоном и постоянным советчиком, неизменно *глазоотворяющим* и содержательным.

Огромные благодарности моему старому другу Алисе Куитни – за помощь с редактурой. Из нее получился изумительный тестовый слушатель, пристрастный, прямолинейный, здравомыслящий, умный и всегда готовый помочь. Она помогла этой книге появиться на свет одним уже тем, что настойчиво желала узнать, как там все было дальше, и заставляла меня выкраивать время для работы. Я невероятно ей за это благодарен. Спасибо Стефани Монтейт, знающей

скандинавские мифы досконально: ее орлиный взор уловил кое-какие важные детали, которые сам я мог бы и пропустить. Спасибо Эмми Черри из «Нортон», восемь лет назад, за ланчем в мой день рождения, предложившей мне рассказать что-нибудь из скандинавских мифов – и, как показало время, оказавшейся самым терпеливым на свете редактором.

Все ошибки, поспешные выводы и странные мнения, которые попадутся вам в этой книге, – мои и только мои, и не надо в них винить никого другого. Надеюсь, мне удалось пересказать эти чудные истории совершенно честно, хотя без доли веселья и фантазии в процессе все равно не обошлось.

Потому что мифы – это весело. А веселее всего рассказывать их самому, и я призываю вас, моих читателей, именно этим и заняться. Прочтите истории о скандинавских богах и возьмите их себе. Присвойте их. И однажды, каким-нибудь темным и морозным вечером посреди зимы, или летней ночью, когда солнце отказывается уходить с неба, возьмите да и расскажите друзьям, что случилось, когда у Тора украли молот, или как Одину удалось добыть для богов мёд поэзии...

Нил Гейман
Лиссон-Гроув, Лондон,
Май 2016 г.

Игроки

В скандинавских мифах много богов и богинь. Некоторых из них вам предстоит встретить на этих страницах. Большинство сюжетов, однако, связаны с двумя богами – Одином и его сыном Тором, а еще с побратимом Одина, великаньим сыном по имени Локи, что живет вместе с асами в Асгарде.

Один

Величайший и самый древний из богов – Один.

Ему ведомо много тайн. Он отдал глаз в уплату за мудрость. Не говоря уже о том, что ради познания рун и ради власти он принес себя в жертву – самому себе.

Он повесился на мировом древе по имени Иггдрасиль и провисел там девять дней и девять ночей. Бок ему пронзило острое копья, нанеся глубокую рану. Ветры терзали его своими когтями. Так, день за днем и ночь за ночью, он висел без пищи и питья, в полном одиночестве, изнемогая от боли, и свет его жизни медленно гас.

Он уже холодел, но вот, в последних муках на пороге смерти, жертва его принесла темный плод: в экстазе агонии бог устремил взор на землю, и ему открылись руны. Он познал их и понял их силу. И тогда веревка лопнула, и Один с воплем пал наземь, к подножию древа.

Так он постиг магию. Теперь весь мир был в его власти.

Много имен у него. Он – Всеотец, повелитель павших и бог виселиц. Он властвует над бременами и над узниками. Гримнир зовут его и Третий. В каждой стране у него свое имя, ибо его почитают в разных обликах и на разных наречьях, но он всегда остается собой.

Он странствует по свету, скрывая свой истинный облик, – чтобы видеть мир таким, каким видят его люди. Он ходит меж нас под видом высокого мужа в плаще и шляпе.

И есть у него два ворона, которых он зовет Хугин и Мунин, что значит «мысль» и «память». Птицы эти летают по миру, разузнавая новости, и приносят их Одину. Они садятся своему хозяину на плечи и шепчут ему в уши все, о чем узнали.

Восседая на своем высоком престоле, который носит имя Хлидскьяльв, Один видит все, что происходит на свете. Ничто не может укрыться от него.

Он принес в мир войну: всякая битва начинается с копья, брошенного в сторону вражеского войска. Этим броском Одину посвящают и само сражение, и жизни, которое оно унесет. Если тебе суждено выжить на поле боя, так это лишь милостью Одина, если же нет – значит, он тебя предал.

Если ты храбро пал на войне, валькирии – прекрасные девы битв, собирающие души благородных воинов, – заберут тебя в чертог по имени Вальгалла. Там тебя встретит Один, и там, под его водительством, ты будешь проводить дни и ночи в сраженьях и пирах.

Тор

Тор, сын Одина, – повелитель громов. Он столь же прямодушен, сколь отец его хитер, и столь же добросердечен, сколь тот лукав и вероломен.

Тор огромен, рыжебород и могуч – он самый сильный среди богов. А когда он надевает свой пояс силы, Мегингьёрд, мощь его возрастает вдвое.

Оружие Тора зовется Мьёлльнир – это великий молот, выкованный для него карликами. Его историю вы еще узнаете. Тролли и великаны, инеистые и горные, – все трепещут при виде Мьёлльнира, ибо он положил многих их братьев и друзей. Тор носит железные рукавицы, чтобы крепче держать молот за рукоять.

Матерью Тора была Йорд, богиня земли. Сыновья Тора – Модир, «смелый», и Магни, «сильный». Дочь его зовется Труд, «могучая».

Жена его – златовласая Сив. Еще до брака с Тором Сив родила сына Улля, и Тор ему теперь отчим. Бог Улль охотится с луком и стрелами, а еще он ездит на лыжах.

Тор – защитник Асгарда и Мидгарда. О Торе и его приключениях известно много историй, и некоторые из них вы найдете здесь.

Локи

Локи очень красив. Он внушает доверие. Он убедителен и приятен, никто из обитателей Асгарда не сравнится с ним в изворотливости, ловкости и хитроумии. Какая жалость, что в нем так много тьмы – гнева, зависти и похоти!

Локи – сын Лаувейи, которую называли также Наль, то есть «игла», ибо была она стройна, прекрасна и остра умом. Отцом его, говорят, был Фарбаути, из великанов. Имя его означает «осыпающий опасными ударами» и говорит само за себя.

Локи разгуливает по небу в летучих башмаках и умеет менять свой облик и даже превращаться в животных. Но истинное его оружие – ум. Он коварней, хитрей и находчивей любого бога и великана. В этом с ним не сравнится даже Один.

Локи – побратим Одина. Остальные боги не знают, когда и как он появился в Асгарде. Еще он – друг Тора и его же предатель. Боги терпят его – возможно потому, что его уловки и хитрости часто их выручают. Примерно так же часто, как и доводят до беды.

Локи делает мир интереснее, но опаснее. Он отец чудовищ и творец бед, лукавый и вероломный.

Локи слишком много пьет, а когда пьет, не держит в узде ни слова, ни мысли, ни поступки. В день Рагнарёка, когда миру настанет конец, Локи и его дети непременно выйдут на битву – и не на стороне Асгарда они будут сражаться.

До начала... и после

I

До начала не было ничего – ни земли, ни верхнего мира, ни звезд, ни свода небес. Был только туманный мир, бесформенный и темный, да еще мир огня, вечно пылающий.

Нифльхейм, темный мир, простирался на севере. Одиннадцать ядовитых рек текли во мраке из единого источника, бурлящего в самом центре, – из ревущего водоворота по имени Хвергельмир. Холоднее самого холода был Нифльхейм, и все там окутывал тяжкий, угрюмый туман. Дымка скрывала небо, а на земле одеялом лежала зябкая мгла.

На юге раскинулся Муспелльхейм, и Муспелльхейм был – огонь. Все в нем сияло и пылало. Где в Нифльхейме царил серый сумрак, там в Муспелльхейме мерцал багровый свет; где был стылый лед – там плескалась лава. Сама земля полыхала ревучим жаром кузнечного горна, и не было там ни твердой почвы, ни даже неба – одни только искры и струи зноя, расплавленный камень и раскаленные уголья.

А на самом краю пожарищ Муспелля, где туман растекался светом, стоял Сурт, что был прежде богов. Стоит он там и сейчас. Он держит в руке пламенеющий меч, и что кипучая лава, что леденящий туман – ему все едино.

Говорят, что только в день Рагнарёка, когда всему настанет конец, Сурт покинет свой пост. Он выступит из Муспелльхейма со своим пылающим мечом и сожжет весь мир, и один за другим падут перед ним боги.

II

Между Муспеллем и Нифльхеймом была бездна – пустое ничто без вида и облика. Реки туманного мира текли в эту бездну, звавшуюся Гиннунгагап – «зияющая пропасть». Тянулись бесчисленные века, и там, в этом месте меж огнем и туманом, ядовитые реки Нифльхейма медленно застывали в огромный ледник. На севере бездны лед был укрыт замерзшим туманом и усыпан градинами, но на юге, у пределов огненной страны, искры и угли из Муспелля согревали его, и под горячим ветром воздух надо льдами становился нежным и теплым, будто в весенний день.

И вот, наконец, лед встретился с огнем и начал таять. И в талых водах родилась жизнь – подобие человека, но больше, чем целый мир, громадней любого великана. Не мужчина, не женщина, но то и другое сразу.

Это создание было прародителем всех великанов и звалось оно Имир.

Но не только Имир вышел на свет из тающих льдов: вместе с ним появилась безрогая корова, невообразимо огромная. Она лизала соленые глыбы льда, и те были ей и питьем, и пищей, а из четырех ее сосцов бежали молочные реки. Этим молоком и питался Имир.

Он пил молоко и рос.

И назвал корову Аудумлой.

Розовым своим языком корова вылизала из льда еще одно существо: в первый день показались только волосы, на второй день – голова, а на третий – все тело. И был это Бури, предок богов.

Имир спал и во сне рождал новую жизнь: двое великанов, мужчина и женщина, появились на свет из его левой подмышки, а из ног – шестиглавый гигант. И вот от них, Имировых детей, произошли все великаны на свете.

Бури взял себе жену из них, и вместе они породили сына, которого назвали Бор. Бор женился на Бестле, дочери великана, и та родила ему троих сыновей: Одина, Вили и Ве.

Выросли Один, Вили и Ве, сыновья Бора, и возмужали. Подрастая, видели они вдалеке огни Муспелльхейма и тьму Нифльхейма, и знали, что там и там их ждет неминуемая смерть. Братья очутились в вечной ловушке в бездне Гиннунгагап, между пламенем и туманом. Посреди великой пустоты – то есть, все равно что нигде.

Потому что тогда еще не было ни моря, ни песка, ни травы, ни камней, ни плодородной земли, ни деревьев, ни неба, ни звезд. Не было еще самого мира с его землею и небом. И бездна нигде не была, вернее, была нигде: просто пустое место, жаждущее наполниться жизнью и бытием.

Самое время для творения.

Вили, Ве и Один поглядели друг на друга и заговорили о том, что нужно сделать – там, в бездне Гиннунгагап. И сказали они о вселенной, о жизни и о будущем.

А потом пошли и сделали то, без чего было не обойтись. Да, Один, Вили и Ве убили великана Имира. Но никак иначе нельзя было сотворить миры. С этого все и началось: одна смерть положила начало всей жизни.

Итак, они закололи великого великана. Кровь хлынула из тела могучим потоком – и кто бы мог подумать, что ее окажется так много! Реки крови, соленой, как море, и серой, как океан, затопили все вокруг так внезапно, разлились так мощно и так глубоко, что всех остальных великанов смыло, и они утонули. (Только двое из них спаслись: Бергельмир, внук Имира, с женой: они забрались в деревянный ящик, который носил их по волнам, будто лодка. Все великаны, которых мы встречаем и которых боимся ныне, произошли от них.)

Один и его братья сделали почву из плоти Имира. Из костей они нагромодили утесы и горы. Камни, булыжники, галька, песок и гравий – все это зубы Имира и осколки его костей, что Один, Вили и Ве сломали и разможили в битве с первым великаном.

Моря, что опоясывают все миры, – это все кровь Имира и пот.

Поглядите на небо – вы увидите свод его черепа. Ночные звезды, планеты, кометы и метеоры – все это искры от огней Муспелльхейма. А что же облака, видные дневною порой? Когда-то они были мозгом Имира, и кто знает, что за мысли в них бродят... даже сейчас.

III

Мир – это плоский диск, и море окружает его со всех сторон. Великаны обитают на окраинах, по берегам самых глубоких морей.

Чтобы не подпускать их близко, Один, Вили и Ве выстроили стену из ресниц Имира и оградили ею середину мира. И той земле, что внутри стены, они дали имя: Мидгард.

Мидгард стоял пустой. Прекрасна была земля, но никто не гулял среди лугов, не ловил рыбу в прозрачных реках. Никто не покорял скалистые горы и не вперял взор в облака.

Один, Вили и Ве понимали, что мир никуда не годится, пока в нем никто не живет. Везде и всюду искали они людей, но так никого и не нашли.

Но вот однажды на каменистом морском берегу им попались два бревна – плавник, качавшийся на волнах. Приливы прибили его к земле и выбросили на галечный пляж.

Первое бревно было из ясеня. Ясень живуч и хорош собой; корни его уходят глубоко в землю. Древесину его удобно резать – она не трескается и не щепится. Рукоятки орудий выходят отличные, а еще – древки копий.

Второе бревно, лежавшее рядом с первым, совсем близко, было из вяза. Вяз – дерево изящное, но древесина его прочна: из нее выходят самые крепкие доски и балки. Прекрасный дом можно выстроить из вяза – дом или чертог для пиров.

Взяли боги оба бревна и поставили их торчком на песок, так что стали они в человеческий рост. И обнял их Один, и вдохнул в них жизнь – в одно за другим. Теперь это были уже не просто мертвые бревна на берегу: нет, теперь они стали живые.

Вили дал им волю, разум и стремление. Теперь они могли двигаться, теперь могли желать.

Ве придал им облик людей: вырезал им уши, чтобы они слышали, глаза – чтобы видели, уста – чтобы те отверзлись и говорили.

И вот уже не два бревна стояли на морском берегу, а двое нагих людей. Одному из них Ве вырезал мужское естество, а другому – женское.

И сделали три брата одежды для людей, чтоб те могли покрыть себя и согреться – там, на краю мира, где в воздухе висела взвесь из ледяных морских брызг.

И, наконец, дали они сотворенным людям имена: мужчину назвали Аск, или Ясень, а женщину – Эмбла, Вяз.

Аск и Эмбла стали отцом и матерью нам всем: всякий человек обязан жизнью своим родителям, и их родителям, и родителям тех, кто породил их родителей, и так далее. Но если углубиться в прошлое достаточно далеко, любой род на свете придет к Аску и Эмбле.

Эмбла и Аск остались в Мидгарде, надежно укрытые за стенами, которые боги сделали из Имировых ресниц. В Мидгарде первые люди выстроили себе жилище, защищенное от великанов, чудовищ и всех опасностей, таящихся в диких землях. В Мидгарде растили они своих детей в покое и мире.

Вот потому-то Одина и зовут Всеотцом – он не только стал родителем богов, но и вдохнул жизнь в прадедов прадедов наших дедов. И будь мы хоть боги, хоть люди, Один все равно нам отец.

Иггдрасиль и девять миров

Иггдрасиль – могучий ясень, самое совершенное и прекрасное из деревьев. А еще – самое большое. Он растет меж девяти миров и соединяет их все вместе, один с другим. Нет на свете дерева огромнее и славнее Иггдрасиля. Ветви его – выше небес.

Так велик этот ясень, что корни его простираются в три мира, и три источника питают их.

Первый корень, уходящий глубже всех, тянется в нижний мир, в Нифльхейм, – в ту сумрачную страну, что была прежде всего на свете. В центре этого темного мира бьет вечно кипящий ключ, Хвергельмир, громогласный, как ревущий котел. Дракон Нидхегг обитает в этих водах и вечно гложет корень тот снизу.

Второй корень уходит в царство инеистых великанов, к источнику, хозяин которого зовется Мимир.

Есть орел, восседающий на самых верхних ветвях мирового древа, – много всего он знает; между глаз у него примостился ястреб.

Белка Рататоск живет среди ветвей. Она переносит сплетни и послания от Нидхегга, ужасного пожирателя трупов, к орлу и обратно. Белка врет им обоим и радуется, сея раздоры и пробуждая гнев.

Четверо оленей кормятся на громадных ветвях мирового древа, поедая листву и кору. Бесчисленные змеи у основания вгрызаются в корни.

На мировое древо можно взобраться. Это на нем повесился Один, принеся себя в жертву, и древо стало виселицей, орудием казни, а сам Один – богом повешенных.

Впрочем, боги по мировому древу не лазают – они путешествуют между мирами по радужному мосту, который зовется Биврёст. Одним лишь богам дано разъезжать по радуге: она обожжет ноги любому инеистому великану или троллю, что осмелится ступить на нее в попытке добраться до Асгарда.

Что же до девяти миров, то они таковы:

Асгард, дом асов. Там царствует Один, там его дом.

Альвхейм, где обитают светлые альвы. Прекрасны они, будто солнце и звезды.

Нидавеллир, именуемый иногда Свартальвхеймом, где карлики (которых еще называют темными альвами) живут под горами и мастерят свои невиданные творения.

Мидгард – мир смертных мужей и жен, где наш с вами дом.

Йотунхейм, где живут и рыщут инеистые и горные великаны, – там их чертоги.

Ванахейм, оттуда родом ваны. Ваны – тоже боги: когда-то они заключили с асами мир, и теперь многие из них живут в Асгарде.

Нифльхейм – темный, туманный мир.

Муспелльхейм – мир огня, где ждет Сурт.

И есть еще место, названное именем своей владычицы – Хель. Туда отправляются мертвые – те, что не пали с отвагою в битве.

Последний корень мирового древа уходит к источнику в доме богов, в Асгарде, где обитают асы. Каждый день боги держат совет у этого источника и там соберутся в последние дни мира, прежде чем выйти на последний бой в Рагнарёк. Он зовется источником Урд.

Три сестры есть, норны, мудрые девы. Они стерегут источник и омывают корни Иггдрасиля водой и целебным илом. Хозяйка источника – Урд; она – судьба, она – предначертание. Она – твое прошлое. Вторая сестра – Верданди, чье имя значит «становление», и ей принадлежит настоящее; третья же – Скульд, «то, что грядет», и ее царство – будущее.

Норны решают, чему быть в твоей жизни. Есть и другие норны, помимо этих трех. Норны великанов и норны альвов, карликов и ванов, добрые норны и злые, – и это они решают участь каждого, кто живет на свете. Одни норны дают людям добрую жизнь, другие – тяжкую, или короткую, или полную неожиданных поворотов и странностей.

Они лепят твою участь – там, у источника Урд.

Голова Мимира и глаз Одина

В Йотунхейме, стране великанов, есть источник Мимира. Бурля, вырывается он из недр земли и питает Иггдрасиль, мировое древо. Мимир многомудрый, хранитель памяти, знает многие тайны. Его источник – сама мудрость, и когда мир был совсем молод, Мимир пил ее каждое утро, погружая в воды рог именем Гьяллархорн и осушая его до дна.

Давным-давно, когда все миры еще не состарились, Один надел свою шляпу и плащ и в обличье простого путника прошел через всю страну великанов, рискуя жизнью на каждом шагу, – и все это только для того, чтобы добраться до Мимира и найти мудрость.

– Один только раз испить воды из твоего источника, дядюшка Мимир, – сказал ему Один, – вот и все, о чем я прошу.

Тот покачал головой. Никому не дано пить из источника Мимира, кроме самого Мимира. Ничего не ответил он Одину, ибо тот, кто молчит, редко совершает ошибки.

– Я – твой племянник, – напомнил ему Один. – Моя матушка, Бестла, приходилась тебе сестрой.

– Этого недостаточно, – молвил, наконец, Мимир.

– Всего один глоток, – настаивал Один. – Испив воды из твоего источника, Мимир, я стану мудр. Назови свою цену.

– Твой глаз – вот моя цена, – изрек тот. – Твой глаз у меня в источнике.

Один не стал спрашивать, уж не шутит ли он. Путь через страну великанов до источника Мимира был опасен и долог, и Один готовился, если надо, поставить на кон свою жизнь. Да за вожделенную мудрость он и не такое бы отдал!

Он даже не изменился в лице.

– Дай мне нож, – вот и все, что он сказал.

Сделав то, что нужно, он аккуратно опустил глаз в чашу источника – тот так и устоялся на него сквозь воду. Один наполнил рог водой и поднес к губам. Холодна оказалась вода... До дна осушил бог Гьяллархорн, и мудрость хлынула в него. Дальше и яснее увидал он одним глазом, чем когда-либо видел двумя.

С тех пор Один получил и другие имена: Блинд стали звать его, слепой бог, и Хоар, одноглазый, а еще – Балейг, пламенноокий.

Глаз же Одина так и плавает в источнике Мимира, и хранят его воды, что питают мировое древо. Ничего он не видит – и видит всё.

Прошло время. Когда война между асами и ванами подошла к концу и примирившиеся враги договорились обменяться вождами и воинами, Один послал Мимира к вanam – советником для аса Хёнира, что должен был стать новым вождем Ванакхейма.

Хёнир был высок и пригож собою – ни дать ни взять король. Когда с ним был Мимир, Хёнир еще и говорил, как король, и принимал мудрые решения. Но когда Мимира рядом не было, Хёнир молчал. Вскоре вanam это надоело, и они отомстили – правда, не Хёниру, а Мимиру: отрубили ему голову и отослали Одину.

Один не разгневался на них. Он натер голову Мимира особыми травами, чтобы не дать ей сгнить, и пропел над нею чары и заклинания, ибо не желал, чтобы знания Мимира пропали втуне. Вскоре открыл Мимир глаза и заговорил с ним. И советы его были хороши – как всегда.

Один отнес голову Мимира назад, к источнику под мировым деревом, и положил ее рядом с глазом – в воды познания прошлого и грядущего.

Рог Гьяллархорн Один отдал Хеймдаллю, стражу богов, и в тот день, когда вострубит он, пробудятся боги, где бы они ни были и как бы глубоко ни спали.

А вострубит Хеймдалль в рог лишь однажды – в самом конце времен, в Рагнарёк.

Сокровища богов

I

Женой Тора была прекрасная Сив, из асов. Тор любил ее – просто потому, что любил. А еще – за синие глаза и белую кожу, и алые губы, и улыбку. И за длинные-предлинные волосы цвета ячменного поля на излете лета.

Как-то раз Тор проснулся и стал глядеть на спящую рядом Сив. Через некоторое время он поскреб в бороде. Потом потыкал жену своей громадной ручищей.

– Что с тобой случилось? – спросил он еще немного погодя.

Она открыла глаза цвета летнего неба.

– Ты о чем? – поинтересовалась богиня, потом повертела головой, и на лице ее отразилось удивление.

Пальцы взлетели к голому розовому черепу и осторожно его потрогали. В ужасе устремив взгляд на мужа.

– Мои волосы... – вот и все, что она сказала.

Тор кивнул.

– Они пропали, – сообщил он ей. – Он оставил тебя совершенно лысой.

– Он? – не поняла Сив.

Тор в ответ ничего не сказал, а лишь застегнул пояс силы, Мегингьёрд, удваивавший его и без того непомерную мощь.

– Локи, – обронил он, наконец. – Это дело рук Локи.

– Это еще почему? – осведомилась Сив, лихорадочно ощупывая голову, словно от порхания пальцев волосы могли вернуться сами собой.

– Потому что, – со знанием дела заявил Тор, – когда что-то идет не так, я первым делом думаю, что виноват Локи. Это экономит мне кучу времени.

Дверь Локи оказалась заперта, так что Тор просто снес ее и вломился внутрь, оставив за спиной кучу обломков. Он сгреб хозяина дома в охапку и задал ему очень простой вопрос.

– Зачем?

– Зачем что? – физиономия Локи являла картину чистейшей невинности.

– Волосы Сив. Золотые волосы моей жены, Сив. Они были такие красивые! Ты зачем их отрезал?

Сотня выражений некоторое время играла в пятнашки на лице Локи: хитрость и увертливость, язвительность и смятение... Тор как следует встряхнул Локи. Тот потупил взор и постарался остановиться на стыде.

– Ну, для смеха. Я был пьян.

Тор нахмурился.

– Волосы Сив были ее сокровищем. Люди станут думать, что ей обрили голову в наказание. Как будто она сделала такое, чего делать нельзя, и с тем, с кем нельзя.

– Ну... да, пожалуй, – согласился Локи. – Так они, весьма вероятно, и подумают. А учитывая, что я забрал волосы с корнями, она теперь до конца жизни проходит совершенно лы...

– А вот и нет, – сказал Тор, и лицо его, обращенное к Локи (которого он теперь держал высоко над головой), было подобно грому.

– Боюсь, что да. Конечно, всегда есть шляпы, косынки там всякие...

– Она не останется лысой до конца своих дней, – пояснил свою мысль Тор. – Потому что, Локи, сын Лаувейи, если ты сию же минуту не приставишь ей волосы обратно, я переломлю каждую косточку в твоём теле. Подчеркиваю, каждую. А если волосы после этого не будут

нормально расти, я вернусь и переломлю их снова. И снова. Если я стану ломать их каждый день, то скоро достигну в этом подлинного мастерства, – заключил он уже немного веселее.

– Нет, – сказал Локи. – Я не смогу приставить ей волосы обратно. Это так не работает.

– Сегодня, – Тор решил думать вслух, – на все твои кости у меня уйдет где-то около часа. Но бьюсь об заклад, что при должном количестве тренировок я сумею сократить время до пятнадцати минут. Интересно будет проверить.

И он приступил к первой косточке.

– *Карлики!* – завизжал Локи.

– Прости, что?

– Карлики! Они могут сделать что угодно. Они сделают Сив новые золотые волосы, которые прирастут к голове и будут дальше расти нормально, сами по себе. Идеальные золотые волосы! Карлики такое точно могут. Вот клянусь, могут.

– Тогда, – рассудил Тор, – лучше тебе пойти и поговорить с ними немедленно.

И уронил Локи оттуда, где его держал (а это очень высоко над головой), прямо на пол.

Локи кое-как поднялся на ноги и поспешил прочь, пока Тор не принялся за остальные кости.

Натянув сапоги, что носили его по небу, он поспешил в Свартальвхейм, где карлики держали свои мастерские. Самые искусные мастера из всех – это трое карликов, которых знали как сыновей Ивальди. Локи сразу подумал именно о них и отправился напрямик в их подземную кузню.

– Привет, сыновья Ивальди, – с порога заявил он. – Я тут поспрашивал, и люди говорят, что некто Брокк и брат его Эйтри – величайшие мастера, каких только видывал свет.

– Нет, – возразил ему кто-то из сыновей Ивальди. – Это на самом деле мы. Мы – величайшие на свете мастера.

– Уверен, Брокк и Эйтри умеют делать сокровища не хуже ваших.

– Вранье! – отрезал самый высокий из сыновей. – Я бы не доверил этим криволапым ничтожествам и коня подковать.

Самый маленький – и самый мудрый – из сыновей просто пожал плечами.

– Что бы они там ни делали, мы сумеем лучше.

– Я слышал, они бросили вам вызов, – небрежно заметил Локи. – Три сокровища. Боги-асы рассудят, кто изготовил лучшее. Да, кстати... одним из сокровищ должны быть волосы. Золотые, саморастущие, идеальные волосы.

– Это мы можем, – кивнул один из сыновей Ивальди – какой, непонятно. Даже Локи едва мог отличить их друг от друга.

После этого бог отправился на другую сторону горы – к карлику по имени Брокк, который держал там мастерскую вместе со своим братом Эйтри.

– Сыновья Ивальди делают три сокровища в дар богам Асгарда, – сообщил он. – Боги будут оценивать их. Сыновья Ивальди пожелали, чтобы я донес до вас следующее: они совершенно уверены, что вы с Эйтри не сумеете сравняться с ними в мастерстве. Да, и кстати, они назвали вас криволапыми ничтожествами.

Брокк, однако, был не дурак.

– Все это крайне подозрительно пахнет, Локи, – поделился он с богом своими сомнениями. – Ты уверен, что это не твоих рук дело? Посеять распрю между нами с Эйтри, с одной стороны, и мальчиками Ивальди – с другой... Затея как раз в твоём духе. Скажешь, нет?

Локи соорудил свою самую бесхитростную рожу – то есть, *исключительно* бесхитростную.

– Я тут совершенно ни при чем, – заявил он со всем простодушием, на какое только был способен. – Просто решил, что вам нужно знать.

– И никакого личного интереса у тебя в этом, конечно, нет? – осведомился Брокк.

– Никакого. Откуда?

Брокк покивал и пристально поглядел на Локи. Брат его, Эйтри, слыл величайшим кузнецом, зато Брокк был и умнее, и решительнее.

– Ну, раз так, мы будем только счастливы проверить мастерство сыновей Ивальди, и пусть боги нас рассудят. Я-то знаю, что Эйтри кует вещи получше и куда изысканней, чем парнишки Ивальди. Но давай добавим сюда и личного интереса, а, Локи?

– Что это у тебя на уме?

– Твоя голова, – пояснил Брокк. – Если мы выиграем состязание, мы заберем твою голову, лады? В этой твоей черепушке столько всего разного творится – думаю, Эйтри сварганит из нее превосходный прибор. Что-то вроде думающей машинки. Ну, или чернильницы на худой конец.

Локи продолжал улыбаться, но внутри весь насупился. А ведь день так хорошо начинался! Хотя... нужно будет просто проследить, чтобы Эйтри и Брокк проиграли состязание. Боги так и так получают от карликов шесть драгоценных вещей, а Сив – свои золотые волосы. Конечно же, ему такое по плечу. Локи он, в конце концов, или кто?

– Ну, разумеется, – сказал он. – Моя голова? Да нет проблем.

А на другой стороне горы сыновья Ивальди уже ковали свои сокровища. О них Локи совершенно не беспокоился. Но ему непременно надо было сделать так, чтобы Брокк и Эйтри не выиграли – ни при каких условиях.

Тем временем эти двое отправились к себе в кузню. Там было темно, лишь угли рдяно пылали в горне. Эйтри взял с полки свиную шкуру и кинул в горн.

– Вот для чего-то подобного я эту кожу и берег, – сказал он брату.

Брокк в ответ просто кивнул.

– Значит так... – распорядился Эйтри. – Ты становись на мехи. Стой и качай. Мне нужно много жара, долго и ровно, иначе ничего не получится. Давай-давай...

Брокк принялся качать мехи, нагнетая воздуха во чрево горна и раздувая в нем жар. Ему это было не впервой. Но Эйтри придирчиво наблюдал, пока не убедился, что все идет так, как надо.

И только он собрался выйти из кузни, чтобы поработать над своим творением снаружи, только он отворил дверь, как внутрь ворвалось здоровенное черное насекомое – не овод и даже не слепень, а что-то еще покрупнее, – и принялось зловредно носиться по комнате кругами.

Сквозь дверь до Брокка доносились звуки молотов Эйтри – было слышно, как он там крутит да гнет, кует да отбивает.

Большая черная муха тем временем – а она и вправду была самая большая и черная, какую вы только в жизни видали, – уселась Брокку на руку.

Обе руки у Брокка были заняты: он не мог оторваться от мехов и продолжал качать. Муха, конечно, этим воспользовалась и больно укусила Брокка.

Но Брокк все качал себе и качал.

Дверь отворилась, Эйтри вошел и осторожно вытащил изделие из горна. Это оказался преогромный кабан со щетиной из сияющего золота.

– Хорошо получилось, – похвалил брата Эйтри. – Чуть холодней или чуть теплее, и все пошло бы насмарку.

– Ты тоже молодец, – отозвался Брокк.

Черная муха в углу потолка зажужжала сердито и негодуя.

Эйтри меж тем взял кусок золота и бросил в горн.

– Вот, – сказал он. – Это точно произведет на них впечатление. Когда скажу, начинай качать мехи и, что бы ни случилось, не замедляйся, не ускоряйся и не останавливайся. Тут, понимаешь, дело будет тонкое.

– Я все понял, – заверил его Брокк.

Эйтри снова вышел из кузни и принялся за работу. Брокк подождал, пока брат крикнет ему, что пора начинать, и снова принялся качать мехи.

Черная муха задумчиво покружила по комнате и, наконец, решительно села Брокку на шею. Изящно переступив лапками, она увернулась от струйки пота – очень уж жаркий и спертый был воздух в кузне, – прицелилась как следует и тяпнула карлика со всей своей мушиной силы. Алая кровь смешалась с потом, но качать Брокк не перестал.

Тут вернулся Эйтри и вытащил из горна раскаленное добела обручье. Он бросил его в каменную чашу с водой, чтобы охладить, и густое облако пара заволокло все кругом. Обручье остыло, быстро сделавшись оранжевым, потом алым и потом, наконец, просто золотым.

– Зваться оно будет Драупнир, – сообщил брату Эйтри.

– Капающий? Забавное имя для браслета, – заметил Брокк.

– Только не для этого, – возразил Эйтри и тут же объяснил, что в нем такого особенного.

– А теперь, – сказал он после, – то, что я очень давно уже собирался сделать. Мой шедевр. Но он будет даже похитрее, чем те два. Так что делать ты будешь следующее...

– ...качать и не переставать? – спросил Брокк.

– Именно так, – подтвердил Эйтри. – И даже еще больше прежнего. Даже ритм менять не смей, а не то все пойдет прахом.

Эйтри выбрал чугунную чушку, такую громадную, что больше нее муха (сама черная и большая – это, напомним, был Локи) в жизни не видывала, и швырнул ее в горн, а потом вышел из кузни и вскоре подал Брокку сигнал: давай, мол, приступай.

Ну, Брокк и приступил, а снаружи загрохотали молоты Эйтри, который всю ковал и тянул, и клепал, и паял, и подпиливал.

«Довольно мелочиться», – сказал себе Локи (в образе мухи). Наверняка обещанный шедевр произведет впечатление на богов, а если боги достаточно впечатлятся, не сносить ему головы. Он приземлился аккуратно промеж глаз у карлика и принялся кусать его за веки. Как ни драло у него глаза, а Брокк продолжал качать. Локи вгрызся поглубже да покрепче – отчаяние придало ему сил. Кровь полилась с век, в глаза и по всему лицу, ослепляя усердного карлика.

Брокк сощурился, заморгал и замотал головой, пытаясь согнать муху. В ту сторону и в другую мотал он, кривил рот и пробовал сдуть проклятое насекомое, но тому хоть бы хны. Муха продолжала самозабвенно кусаться, и карлик уже ничего не видел, кроме собственной крови; голова у него вся наполнилась острой болью.

Тогда Брокк сосчитал и после движения вниз оторвал от мехов одну руку и хватанул туда, где сидел Локи, да так быстро и сильно, что тот едва успел спастись. А Брокк тотчас же снова впился в мехи и продолжил качать.

– Хватит! – крикнул снаружи Эйтри.

Черная муха, пошатываясь на лету, описала по комнате круг. Тут Эйтри открыл дверь, и она благополучно улизнула.

Карлик-кузнец окинул брата недовольным взглядом; физиономия у того была сплошь в крови пополам с потом.

– Понятия не имею, с чем ты тут игрался, – процедил Эйтри, – но ты чуть было все не испортил. Под конец все пошло наперекосяк. И на выходе получилось далеко не так впечатляюще, как я надеялся. Ну, там поглядим...

Локи (в образе Локи) прогулочным шагом вошел в кузню.

– Ну, как, все готово к состязанию? – любезно осведомился он.

– Брокк пойдет в Асгард, преподнесет богам мои дары и отрежет тебе голову, – сказал Эйтри. – Мне она нужна тут, в мастерской – будет всякое делать...

Брокк устремил на Локи взгляд сквозь опухшие веки.

– Жду – не дождусь оттяпать тебе башку, – сообщил он. – Теперь это личный интерес.

II

В Асгарде трое богов воссели на свои престолы: одноглазый Один-Всеотец, рыжебородый Тор-Громовник и прекрасный Фрейр, господин летнего урожая. Им-то и предстояло рассудить соперников.

Локи встал перед ними, рядом с тремя почти одинаковыми с виду сыновьями Ивальди.

Брокк, чернобородый и угрюмый, стоял сбоку, пряча принесенные дары под покрывалами.

– Ну, и что мы тут судим? – поинтересовался с высоты своего трона Один.

– Сокровища, – ответил Локи. – Сыновья Ивальди приготовили дары для тебя, о великий Один, и для Тора и Фрейра, и так же поступили Эйтри и Брокк. Вам решать, какой из шести даров драгоценней всего. Я сам представлю вам то, что сделали сыновья Ивальди.

Одину он преподнес копье по имени Гунгнир – прекрасное копье, изукрашенное затейливыми рунами.

– Оно пробьет что угодно, – сообщил Локи, – а будучи брошено, непременно попадет в цель.

У Одина ведь был всего один глаз, и прицел у него иногда оставлял желать лучшего.

– А еще, что немаловажно, обет, принесенный на этом копье, будет нерушим.

Один взвесил копье в руке.

– Отличная вещь, – вот и все, что он сказал.

– А вот, – продолжал с гордостью Локи, – целая копна золотых волос. Из настоящего, между прочим, золота. Они пристанут к голове особы, которая в них нуждается, и станут расти и вести себя во всех отношениях как самые настоящие волосы. Сотня тысяч золотых прядей!

– Сейчас мы их проверим, – сказал на это Тор. – Сив, иди сюда.

Сив поднялась и вышла вперед; голова ее была покрыта. Она сняла покрывало, и боги так и ахнули при виде ее черепа, розового и гладкого. Сив аккуратно надела золотой парик и встряхнула волосами. И тотчас же основание парика приросло к ее коже, и вот уже Сив стояла пред собранием богов еще прекраснее и блистательнее прежнего.

– Впечатляет, – сказал Тор. – Великолепная работа.

Сив еще раз взметнула золотой волной кудрей и вышла из зала на солнце, чтобы похвалиться друзьям своими новыми волосами.

Последний из чудесных даров сыновей Ивальди был маленький и сложен во много раз, будто ткань. Его Локи возложил перед Фрейром.

– И что это такое? – спросил равнодушно Фрейр. – Похоже на шелковый шарф.

– Есть такое дело, – согласился Локи. – Но разверни его и ты увидишь, что на самом деле это корабль. А зовут его Скидбладнир. В паруса ему всегда дует попутный ветер, куда бы он ни отправился. И хотя он поистине огромен – самый большой корабль, какой ты в жизни встречал, – его можно сложить, как платок – видишь? – и положить к себе в кошель.

Фрейру корабль очень понравился, и у Локи отлегло от сердца. Действительно дары вышли превосходные.

Теперь настала очередь Брокка. Глаза у него были красные и опухшие, а сбоку на шее красовался громадный волдырь от укуса. «Многовато он о себе возомнил, – решил про себя Локи. – Куда ему до сыновей Ивальди!»

Брокк тем временем вынул золотое обручье и положил перед Одином, восседающим на своем высоком престоле.

– Зовется этот браслет Драупнир, – сообщил карлик. – Ибо каждую девятую ночь восемь золотых обручьев равной красоты будут капать с него, как роса. Можешь награждать ими своих людей или хранить для себя, и богатство твое приумножится.

Один внимательно осмотрел обручье и надел себе на руку выше локтя, где оно и засверкало.

– Отличная вещь, – молвил он.

Вроде бы он то же самое сказал и о копье, припомнил Локи...

А Брокк между тем подошел к Фрейру, сорвал покрывало и показал огромного вепря с золотой щетиной.

– Этого вепря мой брат сделал для тебя, чтобы возить твою колесницу, – сказал он. – Хоть по земле, хоть по морю повезет он тебя, быстрее любого самого быстрого коня. Нет такой темной ночи, чтобы свет его золотой щетины не сумел рассеять ее, – и ты, о бог, всегда будешь видеть, что делаешь. Никогда не устанет этот зверь и никогда тебя не предаст. А зовут его Гуллинбурсти – Золотая Щетина.

И кабан Фрейру тоже очень понравился. Но все же, думал Локи, корабль, что складывается, будто шелковый платок, ничуть не хуже неостановимого вепря, что сияет во тьме, так что за голову можно особо не переживать. А последний дар, приготовленный Брокком, Локи так и так успел испортить, это уж как пить дать.

И вот из-под последнего покрывала явился молот, и был он возложен перед Тором, сидевшим на высоком престоле.

Тор поглядел на него и шмыгнул носом.

– Что-то рукоятка коротковата.

– Да, – кивнул Брокк, – это моя вина. Это я стоял на мехах. Но прежде чем ты отвергнешь наш дар, дозвожь рассказать, что в нем такого особенного. Зовут его Мьёлльнир – Творец Молний. Прежде всего, его нельзя сломать. Сколь бы сильно ты им ни ударил, молоту ничего не делается.

Тор явно заинтересовался. За долгие годы он переломал немало оружия – главным образом, колотя им по разным предметам.

– Далее, если бросишь ты этот молот, не случится такого, чтобы он промахнулся.

Тор заинтересовался еще больше. Он уже потерял уйму прекрасного оружия, кидая им в то, что его раздражало (и промахиваясь). И, увы, слишком часто оружие, однажды как следует кинутое, исчезало вдали, и никто его больше никогда не видел.

– ...и неважно, как сильно или как далеко ты его бросишь, он всегда возвратится тебе прямо в руку.

Теперь Тор уже улыбался от уха до уха. А бог грома нечасто улыбается, можете мне поверить.

– К тому же ты можешь менять размер молота. По твоему желанию он вырастет или ужмется так, что ты его сможешь спрятать за пазуху.

Тор в восторге захолопал в ладоши, да так, что гром прокатился по всему Асгарду.

– И все же, как ты верно заметил, – с печалью в голосе продолжал Брокк, – рукоятка молота и правда чересчур коротка. В этом я виноват. Я не сумел качать мехи равномерно, пока мой брат, Эйтри, его ковал.

– Невелика беда – короткая рукоятка, – возразил ему Тор. – Что с того, как он выглядит? Главное – этот молот сумеет защитить нас от инеистых великанов. Это самый лучший подарок, какой я в жизни видел.

– Он будет защищать Асгард. И всех нас вместе с ним, – одобрительно промолвил Один.

– Будь я великаном и случись у Тора в руке этот молот, я бы его очень испугался, – заметил Фрейр.

– Да-да, молот очень хорош. Но как же волосы, Тор? Прекрасные золотые волосы Сив! – воскликнул Локи с некоторым отчаянием в голосе.

– Чего? А, да. Волосы. Да, у моей жены очень хорошие волосы, – отозвался Тор слегка рассеянно. – А теперь, Брокк, покажи мне скорее, как сделать молот больше и меньше!

– Молот Тора даже лучше, чем мое чудесное копье и мое изумительное обручье, – кивнул Один.

– Молот чудеснее, чем мой корабль и мой вепрь, – признал Фрейр. – С ним богам Асгарда будет нечего бояться.

И боги принялись хлопать Брокка по спине, приговаривая, что он и Эйтри смастерили самый лучший подарок на свете.

– Приятно слышать, – скромно ответил Брокк и повернулся к Локи. – Итак, сын Лаувеи... Я намерен отрезать тебе голову и забрать ее с собой. Эйтри будет в восторге. Сделаем из нее что-нибудь полезное.

– Я... пожалуй, выкуплю свою голову, – сказал Локи. – У меня тоже есть сокровища, и я отдам их тебе.

– У нас с Эйтри уже есть все сокровища, какие нам нужны, – возразил Брокк. – Мы их *сами делаем*. Нет, Локи. Я хочу твою голову.

Локи подумал минутку.

– Ладно, можешь ее взять. Если, конечно, поймаешь меня.

И он подпрыгнул высоко в воздух и унесся прочь над головами всего честного собрания. Раз – и нету его.

Брокк перевел взгляд на Тора.

– Ты можешь его поймать?

Тот пожал плечами.

– Вообще-то мне не стоило бы... Но уж очень хочется испытать молот в деле.

Через мгновение он вернулся, крепко держа Локи. Тот свирепо зыркал на него, но подделать ничего не мог.

Карлик Брокк между тем вытащил нож.

– Иди-ка сюда, Локи, – сказал он приветливо. – Сейчас я отрежу тебе голову.

– О чем разговор, – согласился Локи. – Бери себе и отрезай. Но – и тут я призываю в свидетели могучего Одина – если отрежешь хоть кусочек шеи, ты тем самым нарушить букву нашего соглашения, согласно которому ты получаешь мою голову и только ее.

Один на это величаво кивнул.

– Локи прав, – сказал он. – Трогать шею ты права не имеешь.

Брокк пришел в ярость.

– Но невозможно же отрезать ему голову и не резать при этом шею! – возопил он.

Локи выглядел страшно довольным.

– Вот видишь, – сказал он, – если бы люди как следует думали, что говорят, они бы никогда не рискнули подначивать Локи, самого мудрого, самого умного, хитрого, смышленного, симпатичного...

Брокк что-то прошептал на ухо Одину.

– Да, – согласился тот, – это будет честно.

Брокк вытащил полоску кожи, наложил ее Локи на рот и попробовал проткнуть острием ножа, но тщетно.

– Не работает, – пожаловался он. – Мой нож тебя не режет.

– Возможно, я принял специальные меры против ножей, – скромно сказал Локи. – На тот случай, если вся затея с «голову-но-не-шеей» провалится. Боюсь, ни один нож на свете не станет меня резать.

Брокк хмыкнул и вытащил вместо ножа шило, каким пользуются в кожевенном деле. Им он пробил дыры в кожаной ленте и у Локи в губах, а потом прочной ниткой сшил их вместе.

Брокк отступил и полюбовался на дело своих рук: теперь рот Локи был крепко зашит, так что он даже пожаловаться не мог, – и, поверьте, боль от невозможности трепать языком была для него еще мучительнее, чем боль от пришитых к кожаной ленте губ.

Вот, теперь вам известно, как боги получили свои самые великие сокровища. Всё по вине Локи. И даже молот Тора – это всё равно вина Локи. С ним всегда так: ты обижаешься на него, даже когда больше всего причин благодарить, и ты ему благодарен, даже когда люто его ненавидишь.

Великий строитель

Тор отправился на восток, сражаться с троллями. В Асгарде без него стало куда спокойнее, но и защиты тоже не стало. То были первые дни после перемирия между асами и ванами – боги все еще обустраивали себе дом, и Асгард стоял неукрепленный.

– Нельзя же все время полагаться на Тора, – заметил Один. – Нам нужна защита. Великаны могут прийти. Или тролли.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался Хеймдалль, страж богов.

– Стену, – сказал Один. – Достаточно высокую, чтобы никакому инеистому великану не одолеть. И достаточно толстую, чтобы и самый сильный тролль не пробился.

– На строительство стены, настолько высокой и толстой, – заметил Локи, – у нас уйдет много лет.

Один покивал в знак согласия, однако, остался при своем.

– Но стена, – сказал он, – нам все равно нужна.

На следующий день в Асгарде объявился незнакомец. То был крупный мужчина, одетый как кузнец, а за ним устало тащился конь – огромный серый жеребец с широченной спиной.

– Вам тут, говорят, строители стен надобны, – сказал он.

– Продолжай, – прохладно обронил Один.

– Я могу выстроить вам стену, – молвил чужак. – Такую высокую, что и самый рослый великан не взберется; такую толстую, что и самый могучий тролль не проломится. Так хорошо построю я ее, громоздя камень на камень, что и муравей не отыщет меж ними ни щелки. Я построю вам стену, что простоит тысячу тысяч лет.

– На такую стену уйдет очень много времени, – вставил Локи.

– Вовсе нет, – возразил пришелец. – Я построю ее в три времени года. Завтра у нас первый день зимы. На работу у меня уйдет зима, и лето, и другая зима, что за ним, – вот и все.

– Раз ты можешь такое сделать, – сказал ему Один, – что ты попросишь в уплату?

– За то, что я предлагаю, плата моя не столь велика, – скромно сказал чужак. – Лишь три вещи я попрошу. Во-первых, желаю я получить руку прекрасной богини Фрейи и жениться на ней.

– Это совсем не пустяк, – отрезал Один. – И я не удивлюсь, если у Фрейи есть свое мнение по этому вопросу. Что там с двумя другими?

Гость улыбнулся нахально.

– За свою работу я хочу руку Фрейи, а еще солнце, что сияет в небесах днем, и луну, что дарит нам свет ночью. Вот эти три вещи боги дадут мне, если я построю вам стену.

Боги все как один посмотрели на Фрейю. Ничего не сказала богиня, лишь крепко сжала губы и лицом побелела от гнева. Ожерелье Брисингов у нее на шее переливалось, как полярное сияние, бросая на кожу трепещущие отсветы, а волосы схватывал золотой венец, блеском почти готовый сравниться с кудрями.

– Иди, подожди снаружи, – велел Один гостю.

Тот вышел прочь, узнав сначала, где ему взять воды и еды для коня, которого, кстати, величали Свадильфари, что значит «вершающий несчастливый путь».

Один потер лоб, потом посмотрел на богов.

– Ну? – сказал он.

Боги заголосили все сразу.

– А ну, цыц! – громыхнул Один. – По одному!

У каждого бога и богини имелось свое мнение, и мнение это было одно на всех: что Фрейя, солнце и луна на дороге не валяются, что слишком они важны и ценны, чтобы отдавать какому-то проходимцу, даже если он в силах построить им стену за три сезона.

У Фрейи, в свою очередь, нашлось небольшое уточнение: чужака следовало как следует поколотить за наглость и вышвырнуть вон из Асгарда, а там пусть катится своей дорогой.

– Ну, значит, решили, – подытожил Один-Всеотец. – Наш ответ – нет.

Тут из угла донеслось скромное покашливание. Такие покашливания специально нужны, чтобы привлечь всеобщее внимание, и боги, разумеется, обернулись поглядеть, кто это там кашляет. Так и получилось, что все они уставились на Локи, который уставился на них, а потом улыбнулся и поднял палец, как будто имел сказать что-то крайне важное.

– Не премину заметить, – промолвил он, – что вы только что проглядели нечто огромное.

– Не думаю, что мы хоть что-то могли проглядеть, баламут богов, – колко бросила Фрейя.

– Вы проглядели, – невозмутимо продолжал Локи, – один прямо-таки бросающийся в глаза факт: то, что предлагает сделать этот чужеземец, откровенно говоря, не-воз-мож-но. Никто из живущих не в силах возвести стену такой высоты и такой толщины, как он говорит, за восемнадцать месяцев. Ни великан, ни бог, и уж тем паче не смертный человек. Да я собственную шкуру готов прозакласть!

Боги закивали, заворчали и сделали понимающие лица – все, кроме Фрейи: у нее лицо было сердитое.

– Вы дураки, – сказала она. – И ты, Локи, – больше всех, потому что считаешь себя таким умным.

– То, что он обещает сделать, – не унимался Локи, – задача невозможная. И поэтому вот что я предлагаю: мы согласимся на его цену, но поставим взамен жесткие условия. Никто не должен помогать ему в работе, а срок вместо трех сезонов составит один. Если к первому дню лета стена будет еще не закончена – а иного быть просто не может, – мы ничего ему не заплатим.

– Да зачем нам вообще соглашаться-то? – возмутился Хеймдалль.

– И чем это лучше, чем не иметь стены вовсе? – поинтересовался брат Фрейи, Фрейр.

«Видать, и правда, все боги – дураки», – подумал Локи, но постарался сдержать раздражение и принялся объяснять терпеливо, как маленьким детям.

– Кузнец начнет строить нам стену. Но он ее не закончит. Проработает полгода безо всякой платы, как дурак, над безнадёжным делом, а потом мы его выгоним. Даже поколотить можем за дерзость. А то, что он понастроит за эти шесть месяцев, используем как фундамент для собственной стены, которую возведем себе спокойно за несколько лет. И все это – безо всякого риска лишиться Фрейи, не говоря уже о луне и солнце.

– А с какой стати ему соглашаться выстроить стену за один сезон? – спросил Тюр, бог войны.

– Может и ни с какой, – сказал Локи. – Но он выглядит высокомерным и самоуверенным, а, значит, его можно взять на слабо.

И боги снова принялись одобрительно кричать и хлопать Локи по спине, и говорить, какой он ловкий малый, и как это хорошо, что он такой ловкий и при этом на их стороне, и как им возьмут да и построят фундамент стены ни за что ни про что, и восхвалять друг друга за рассудительность и умение выгодно торговаться.

Фрейя молчала и только крутила на шее ожерелье из света, дар Брисингов. В свое время это украшение у нее похитил Локи в образе тюленя (она тогда как раз купалась в море), и Хеймдаллю пришлось тоже обернуться тюленем и драться с Локи, чтобы вернуть ей драгоценность. Нет, Локи она не доверяла. И ей совсем не нравилось, какой оборот принял разговор.

Боги позвали строителя обратно в зал.

Он оглядел собрание: все, казалось, пребывали в отличном расположении духа, ухмылялись и пихали друг друга в бока. Фрейя, однако, не улыбалась.

– Ну, так что? – спросил зодчий.

– Ты просил три сезона, – сказал, выходя вперед, Локи. – Мы дадим тебе один и только один. Завтра – первый день зимы. Если к первому дню лета ты не закончишь работу, то покинешь эти места безо всякой платы. Но если стена будет готова, высокая, толстая и неприступная, как мы с тобой и договаривались, ты получишь все, чего просишь: луну, солнце и прекрасную Фрейю. И ты не должен пользоваться в этой работе ничьей помощью: да, ты построишь нам стену один.

Некоторое время пришелец молчал. Он стоял, устремив взор вдаль, и как будто бы взвешивал условия Локи. Потом он посмотрел на богов и пожал плечами.

– Говорите, мне нельзя пользоваться никакой посторонней помощью... Но я хотел бы, чтобы мой конь, Свадильфари, помогал мне таскать камни, из которых я буду строить стену. Вряд ли это такая уж непомерная просьба.

– Да уж, не слишком непомерная, – сказал Один, а другие боги закивали согласно и стали шушукаться, что кони и правда очень хороши для таскания тяжелых камней.

И они поклялись – да, принесли могущественные клятвы, боги и этот чужак, – что ни одна сторона не предаст другую. На своем оружии поклялись боги, на Драупнире, золотом обручье Одина, и на Гунгнире, его волшебном копье, а обет, данный на Гунгнире, был воистину нерушим.

На следующее утро, с восходом солнца, боги вышли посмотреть на начало работ. Незнакомец поплевал на ладони и стал копать котлован, в который лягут первые камни стены.

– Глубоко копает, – сказал Хеймдалль.

– И быстро, – сказал Фрейр, брат Фрейи.

– Да, да, парень – крутой копатель канав и окопов, – раздраженно сказал Локи. – Но вы только представьте себе, сколько камней ему придется перетаскать сюда с гор. Выкопать котлован – это одно, а таскать камни за много верст, безо всякой помощи, да устанавливать один на другой так плотно, чтобы даже муравей не пролез, – совсем другое. Выше самого высокого великана, толще...

Фрейя посмотрела на него с отвращением, но опять ничего не сказала.

Когда солнце село, копатель вскочил на коня и тронулся к горам за первыми камнями. Конь тащил за собой пустую волокушу (это такие низкие сани, что хорошо скользят по мягкой земле). Боги проводили их взглядами. Высоко в зимнем небе висела бледная луна.

– Авось, через неделю вернется, – поделился Локи. – Интересно, сколько камней дотащит лошадка. Выглядит и правда сильной.

Боги вернулись в свой пиршественный чертог и еще долго веселились там и хохотали. Фрейя, однако, не смеялась.

Перед зарей пошел снег, будто легкая пыль припорошила землю – предвестие глубоких снегов, что лягут позже, зимой.

Хеймдалль, от чьего взора не укроется ничто, приближающееся к Асгарду, разбудил богов еще затемно. Они сгрудились на краю котлована, который чужак давеча выкопал. В едва занимавшемся сиянии дня к ним, ведя коня в поводу, шел строитель.

Конь ровным шагом волок кучу гранитных глыб, таких тяжелых, что сани оставляли глубокие рытвины в черной земле.

Завидев богов, он радостно замахал им и прокричал:

– Доброе утро!

Потом показал на встающее солнце и подмигнул. Выпрягши коня из саней, он пустил его пастись, а сам принялся укладывать в котлован первые глыбы.

– И правда, сильный конь, – сказал Бальдр, прекраснейший из асов. – Ни одна нормальная скотина не может таскать такие тяжелые камни.

– Как-то он сильнее, чем мы думали, – заметил Квасир Мудрый.

– Да ну, – отмахнулся Локи. – Конь скоро устанет. Это был всего только первый день работы – не сможет же он таскать такие грузы каждую ночь. Да и зима близко. Снег ляжет глубокий и толстый, от метелей наших впору ослепнуть, а дорога до гор не близка. Не о чем нам беспокоиться. Все пойдет по плану.

– Как же я тебя ненавижу, – сказала Фрейя, стоявшая рядом с ним, и на лице ее не было улыбки. В розовом свете зари она развернулась и зашагала обратно в Асгард, не желая смотреть, как строитель кладет фундамент своей стены.

Каждую ночь он брал коня и пустые сани и отправлялся к горам. Каждое утро они возвращались с парой десятков новых гранитных глыб, каждая из которых была выше самого высокого человека.

Каждый день прирастала стена и каждый вечер становилась выше вчерашнего.

Один созвал богов на совет.

– Стена растет очень быстро, – сообщил он им. – А мы, напомним, дали нерушимый обет, на кольцо и на оружии, что если стройка будет закончена вовремя, мы отдадим ему солнце, луну и прекрасную Фрейю в жены.

– Ни один человек на свете не сумел бы сделать того, что творит этот мастер-зодчий, – сказал Квасир Мудрый. – Подозреваю, что не человек перед нами вовсе.

– Великан, – сказал Один. – Да, возможно.

– Если бы только Тор был дома, – вздохнул Бальдр.

– Тор бьет троллей далеко на востоке, – отрезал Один. – И даже если бы он вдруг вернулся, клятвы наши крепки и не подлежат отмене.

– Да что вы как стая старых баб! – попробовал приободрить их Локи. – Квохчете и накручиваете себя на ровном месте. Да не закончит он стену к первому дню лета, будь он хоть самым сильным великаном в округе. Потому что это не-воз-мож-но.

– А я все равно бы хотел, чтобы Тор был с нами, – сказал Хеймдалль. – Уж он бы знал, что делать.

Пали снега, но никакие снегопады не могли остановить строителя стен или замедлить шаг коня его, Свадильфари. Серый жеребец как ни в чем не бывало таскал сани, груженные камнями, сквозь сугробы и метели, вверх по крутым склонам и вниз, по заметенным пургою оврагам.

Но вот дни начали удлиняться.

С каждым днем заря занималась все раньше. Снег таял, и показавшаяся из-под него мокрая грязь была густа и тяжела – такая отлично пристает к сапогам и еще лучше засасывает их.

– Даже такой конь не протащит камни через эту грязюку, – заявил Локи. – Потонут и рухнут, оба.

Но Свадильфари твердо стоял на ногах даже в самой густой и мокрой грязи и неутомимо возил камни в Асгард, хотя волокуша была так тяжела, что прорезала глубокие борозды в склонах холмов. А строитель играючи затаскивал камни на верх стены – уже поднявшейся на сотни футов от земли! – и пристраивал каждый на место.

Грязь высохла, проклюнулись весенние цветы: желтая мать-и-мачеха и белая ветреница. Стена поднималась вокруг Асгарда, и было это дивное, величавое зрелище. В готовом виде она будет поистине неприступна: ни великану, ни троллю, ни карлику, ни смертному ни в жизнь ее не одолеть. А пришелец все строил и строил, и пребывал в неизменно отличном расположении духа. Нипочем ему были и снег, и дождь – и коню его, кажется, тоже. Каждое утро привозили они строительный материал с гор, и каждый день зодчий клал новый ряд гранитных блоков на предыдущий.

И вот настал последний день зимы, и стена была почти совсем готова.

Боги сели на свои троны в Асгарде и принялись держать совет.

– Солнце, – молвил Бальдр. – Мы отдаем ему солнце.

– Мы поместили луну в небесах, дабы отмечать дни и недели года, – угрюмо промолвил Браги, бог поэзии. – И теперь не будет у нас больше луны.

– А Фрейя? Что мы станем делать без Фрейи? – спросил Тюр.

– А я вам скажу, – ответила Фрейя, и в голосе ее звучал лед. – Если этот строитель и правда великан, я выйду за него замуж и уеду в Йотунхейм. И мне очень интересно, кого я буду ненавидеть больше: его, за то, что увез меня, или вас – за то, что дали увезти.

– Ну, не надо так... – начал было Локи, но Фрейя не дала ему закончить.

– Если этот великан и вправду меня увезет, – сказала она, – с солнцем и луной в придачу, я буду просить у богов Асгарда только одно.

– Что же? – вымолвил Всеотец, молчавший до сих пор.

– Прежде чем уехать, я хочу увидеть, как того, кто навлек на нас это бедствие, убьют у меня на глазах, – заявила Фрейя. – Думаю, это будет только честно. Если мне суждено навек удалиться в страну инеистых великанов, если луну и солнце сорвут с неба и мир погрузится в вечную тьму, пусть жизнь того, кто довел нас до этого, станет расплатой.

– А, ну, конечно, – подал голос Локи. – Распределение вины – дело трудное. Кто теперь в точности помнит, чье это было предложение? Насколько я помню, все боги приложили руку к этой злосчастной ошибке. Все предложили, все согласились...

– Ты предложил, – рявкнула Фрейя. – И ты уболтал этих идиотов тебя послушать. И я увижу твою смерть, прежде чем покину Асгард.

– Мы все... – начал Локи, но увидел лица богов, собравшихся в пиршественном чертоге, и умолк.

– Локи, сын Лаувейи, – объявил Один. – Все это – плоды твоего дурного совета.

– Такого же дурного, как все прочие твои советы, – вставил Бальдр.

Локи метнул в него свирепый взгляд.

– Нам нужно, чтобы строитель проиграл заклад, – сказал Один. – Без нарушения клятвы. Он не должен успеть.

– Понятия не имею, чего вы от меня ждете, – поспешно сказал Локи.

– Ничего мы от тебя не ждем, – заверил его Один. – Но если завтра к вечеру строитель успеет закончить стену, твоя смерть будет мучительной, долгой, скверной и постыдной.

Локи посмотрел поочередно на каждого из богов и на всех лицах прочел свою погибель, а с нею гнев и негодование. Никакого милосердия, никакого стремления понять и простить.

Да, смерть наверняка будет скверной. Но какой у него есть выбор? Делать-то что? Напасть на строителя... Или вот еще...

– Предоставьте это мне, – кивнул Локи и вышел из пиршественного чертога.

Никто из богов даже не попытался его остановить.

Строитель закончил таскать камни из саней на стену. Завтра, в первый день лета, на закате, он ее закончит, а после покинет Асгард с сокровищами. Еще двадцать гранитных глыб – и всё. Он слез по грубо сколоченным деревянным лесам и свистнул коню.

Свадильфари, как обычно, пасся среди высокой травы на лесной опушке – почти в полумиле от стены. Но хозяйский свист он всегда слышал исправно.

Строитель тем временем собрал веревки, привязанные к исполинской волокуше, и приготовился впрягать своего могучего серого скакуна. Солнце низко висело в небе, но до захода оставалось еще несколько часов; с другой стороны неба, высоко над горизонтом сиял бледный диск луны. Вскоре то и другое будет принадлежать ему – большой свет и малый, и с ними госпожа Фрейя, что прекраснее и солнца, и луны. Но строитель не любил свежевать пока еще не убитого медведя – вот будет добыча у него в руках, тогда и посчитаем прибыль. После такой-то тяжелой работы – да и долгой, вон ведь, целую зиму пахал...

Он свистнул еще раз. Странное дело, никогда еще не бывало такого, чтобы коня приходилось звать дважды. Отсюда ему было видно Свадильфари: тот тряс гривой и чуть ли не тан-

цевал посреди цветущего весеннего разнотравья. Шаг вперед и шаг назад, словно по теплому вечернему воздуху плыл к нему некий сладостный аромат, да только ускользал – дразнил, но не давался.

– Свадильфари! – позвал хозяин, и жеребец наострил уши, запрядал и легким галопом понесся к нему через луг.

Строитель видел, как бежит к нему конь, и радость играла у него в сердце. Копыта глухо простучали по земле, и высокая гранитная стена ответила эхом, двойным и четверным, так что на мгновение строителю почудилось, будто целый табун скачет навстречу.

Хотя там была только одна лошадь.

Он потряс головой.

Нет, не одна. Не одна четверка копыт гремела – *две*...

Вторая принадлежала гнедой кобыле. Что она – кобыла, ясно стало сразу же: даже промеж ног ей смотреть не пришлось. Каждая ее линия, каждый дюйм, все в ней до последнего волоска было истинно женским. Свадильфари на бегу завертел головой, замедлил скок, попятился и громко заржал.

Гнедая кобыла на него даже не взглянула. Она встала, будто его здесь и не было, нагнула шею и вроде бы начала пастись. Но стоило Свадильфари приблизиться до десятка ярдов, как она тронулась с места, сначала легким галопом, потом побыстрее... и серый красавец кинулся следом, пытаясь ее поймать, но всегда на корпус или два отставая, пытаясь куснуть за круп или хвост, но неизменно промахиваясь.

Вместе промчались они через луг в молочно-золотом свете гаснущего дня – серый конь и гнедая кобыла, – и тела их блестели от пота. Это было похоже на танец.

Строитель хлопал в ладоши, свистел и звал скакуна по имени, но Свадильфари не слышал его.

Он даже бросился следом, думая поймать коня и привести его в чувство, но гнедая будто поняла, что у него на уме: она замедлила бег, потерлась ушами и гривой об голову серого и снова кинулась бежать к темной гряде леса, словно за нею гнались волки. Свадильфари пропустил следом, и через мгновение оба скрылись в тени.

Строитель выругался, сплюнул и стал ждать, пока конь вернется.

Но тот не вернулся.

Тени стали длиннее. Строитель вернулся к волокуше, поглядел в сторону леса, поплевал на ладони, взялся за веревки и потащил сани через покрытый травой и цветами луг к горному карьере.

На заре его еще не было. Солнце успело высоко взобраться на небо, когда строитель вернулся в Асгард, волоча за собой сани с камнями.

Лишь десять было их на этот раз – все, что он смог привезти, – и силач пыхтел и ругался, но тащил и тянул, и с каждым шагом приближался к стене.

Прекрасная Фрейя стояла в воротах, наблюдая за происходящим.

– Я гляжу, у тебя только десять камней, – заметила она. – А чтобы закончить стену понадобится в два раза больше.

Ничего не ответил ей зодчий, продолжая волочь свою ношу к незаконченному проему ворот. Никаких больше улыбок или подмигиваний – физиономия его теперь напоминала маску.

– Тор возвращается с востока, – как ни в чем не бывало добавила Фрейя. – Скоро он будет здесь.

Боги Асгарда вышли поглядеть, как он трудится, и встали плечом к плечу вокруг Фрейи. Молча смотрели они на его муки, но вскоре принялись улыбаться, хихикать и даже задавать вопросы.

– Эгей! – воскликнул Бальдр. – Солнце ты получишь, только если закончишь стену, не забыл? Как думаешь, повезешь ты сегодня домой солнце или как?

– И луну, кстати, тоже, – вставил Браги. – Какая жалость, что конь твой куда-то подевался. Он бы тебе живо привез все эти камни.

И боги еще посмеялись.

Строитель бросил свою волокушу и выпрямился.

– Вы меня обманули! – крикнул он, и физиономия его была красна от натуги и гнева.

– Ничего мы тебя не обманывали, – сказал на это Один. – Не больше, чем ты нас. Думаешь, мы взяли бы тебя строить стену, если бы знали, что ты великан?

Строитель схватил в одну руку камень и саданул им о другой, расколов гранитный блок надвое. Он повернулся к богам с половиной в каждой руке, и вот в нем уже было двадцать футов росту... нет, тридцать... нет, пятьдесят. Лицо его исказилось – теперь он совсем не походил на того чужака, что прибыл в Асгард в начале зимы, мирного и невозмутимого. Весь он стал будто гранитный утес, иссеченный и скрученный гневом и ненавистью.

– Я – горный великан, – прогремел он. – А вы, боги, – просто обманщики и гнусные клятвопреступники. Если бы у меня все еще был конь, я бы сейчас заканчивал стену. И получил бы в награду красавицу-Фрейю и солнце с луной. И оставил бы вас в темноте и холоде – и даже без красоты, чтобы согреть радостью сердце.

– Ни одна клятва не была нарушена, – сурово молвил в ответ Один. – И никакая клятва больше не защитит тебя от нас.

Каменный великан взревел в ярости и ринулся к богам, с громадной глыбой гранита в каждой руке вместо палицы.

Боги расступились, и тут только великан увидал, кто стоял там, за ними, – огромный, рослый бог, рыжебородый и могучий, в железных рукавицах и с железным молотом, которым он широко размахнулся – всего только раз – и отпустил, нацелив прямо на великана.

Молния слепяще ударила с ясного неба, глухо раскатился гром, и Мьёлльнир покинул руку Тора.

Горный великан увидал, как молот стремительно растет, с ревом приближаясь к нему, – и больше не видел уже ничего. Никогда.

Стену боги закончили уже сами – хотя надо признаться, на то, чтобы вытесать последние десять блоков в карьере высоко в горах, дотащить их до Асгарда и взгромоздить на место в своде ворот, у них ушло куда больше времени – многие недели. И да, они были совсем не так превосходно обтесаны и подогнаны, как те, которыми занимался великий строитель.

Некоторые из богов даже ворчали, что надо было дать ему еще немного доделать стену, а потом уже пусть Тор его убивает. Тор, в свой черед, поблагодарил богов за то, что приготовили к его возвращению такую славную забаву.

Странно и совсем не похоже на него, но Локи не явился пожинать славу. Никто не знал, куда он подевался, хотя ходили слухи, что в лугах за Асгардом видели некую кобылу – прекрасную и гнедую. Большую часть года Локи не показывался на глаза, а когда все-таки показался, следом за ним трусил прехорошенький серый жеребенок.

Да, и в самом деле прехорошенький – хотя ног у него оказалось восемь вместо обычных четырех. Он повсюду следовал за Локи, тыкался носом, ласкался и вообще вел себя так, будто Локи – его родная мама. Не в этом ли и было дело?

Со временем он вырос в громадного серого жеребца по имени Слейпнир – быстрее и сильнее из всех, что видывал свет, ибо конь этот мог обогнать даже ветер.

Локи преподнес Слейпнира – лучшего скакуна из всех, что живут среди богов и людей, – в дар Одину.

Многие восхищались конем Одина, но лишь отчаянно храбрый отважился бы обсуждать его родословную в присутствии Локи, и уж совсем никто не решился бы упомянуть о том два-

жды. Поверьте, Локи наизнанку вывернется, чтобы испортить вам жизнь, если только услышит, что вы болтаете о том, как он сманил Свадильфари прочь от хозяина и спас богов от последствий своего же собственного дурного совета. О, Локи долго помнит обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.